

Горбань В.С. Роль историографии в философии права и формировании понятийного языка современной правовой теории // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 107-127. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_107

УДК 340.12

DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_107

Роль историографии в философии права и формировании понятийного языка современной правовой теории

Владимир Сергеевич Горбань

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: gorbanv@gmail.com

Поступила в редакцию 12.03.2025, поступила после рецензирования 19.03.2025, принята к публикации 25.03.2025

Аннотация: В статье рассматривается комплекс вопросов, связанных с оценкой состояния современной историографии философии права и необходимостью ее развития, в том числе в сфере такой фундаментальной части любой науки, как ее понятийно-терминологический словарь. Для философии права значение историографии является программным, проявлением должного критицизма, основой и инструментом оценки состояния и способности самостоятельного мышления. Как смена или одновременное существование чистых гипотез теория права или философия права остаются плоскими, лишенными связи с жизнью, не дающими никаких принципиальных плодов для науки и практики, логической лабораторией. Поэтому надлежащая историография философии права демонстрирует интеллектуальный портрет, культурно-цивилизационный паспорт универсальных и национальных

© Горбань В.С., 2025

черт мышления о праве и формах организации соответствующих знаний в качестве теории или набора практических советов. Одной из существенных проблем на пути развития философии права является фиксируемое историографией вопроса частое стремление к использованию схематизмов, иллюстративно-аллегорических средств выражения соответствующих идей, из-за чего возможность единства отвлеченно-смысловых и образных характеристик политико-правовых знаний представляется в искаженном виде. Неспособность (конкретной) философии права к самостоятельному мышлению оказывается проявлением традиционного схематизма. Культурно-цивилизационная морфология философии права напрямую связана с ролью и значением национального языка.

Ключевые слова: история политико-правовой мысли; юридическая историография; философия права; морфология языка правовой теории; история науки; отмирание права; национальная правовая литература

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

The Role of Historiography in Legal Philosophy and the Formation of the Conceptual Language in Contemporary Legal Theory

Vladimir S. Gorban

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: gorbanv@gmail.com

Received 12.03.2025, revised 19.03.2025, accepted 25.03.2025

Abstract. The article addresses several key issues concerning the assessment of contemporary historiography in the philosophy of law and emphasizes the necessity for its advancement, particularly in terms of its conceptual and terminological vocabulary. Historiography holds a programmatic significance for the philosophy of law, serving as a manifestation of critical analysis and as a foundational tool for evaluating the current state and capacity for independent thought within the field. The philosophy of law, whether through alternating or simultaneous existence with pure hypothesis, risks becoming stagnant and disconnected from real-life applications, if does not engage with practical outcomes. It must evolve beyond merely a “logical laboratory” that fails to produce meaningful contributions to science and practice. Therefore, a proper historiography of legal philosophy reflects an intellectual portrait, and serves as a cultural and civilizational passport that encapsulates both universal and national perspectives on law, along with organization of relevant knowledge – whether as theory or practical guidance. One significant challenge in advancing the philosophy of law is the prevalent tendency to rely on schematism, illustrative and allegorical methods to convey ideas. This reliance can distort the potential unity between abstract semantic concepts and figurative characteristics of political and legal knowledge. The inability of concrete philosophy of

law to engage in independent thought often reveals itself as symptom of traditional schematism. Furthermore, the cultural and civilizational morphology of the philosophy of law is intricately linked to the role and significance of national language.

Keywords: history of political and legal thought; legal historiography; philosophy of law; morphology of legal language; history of science; withering away of law; national legal literature

Acknowledgments: This research was conducted as part of the scientific project titled “Creating a Russian Historiographic Model of Political and Legal Knowledge and Its Application to Develop Promising Means of Countering Ideological Distortions of Russia's Civilizational Development”. This project received financial support from the Russian Ministry of Education and Science (Agreement No. 075-15-2024-639 dated July 12, 2024).

For citation: Gorban V.S. The Role of Historiography in Legal Philosophy and the Formation of the Conceptual Language in Contemporary Legal Theory, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 107-127. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_107

Введение

История науки, по верному замечанию В.И. Вернадского, является одной из величайших дисциплин человечества, а сама научная мысль – явление планетарного масштаба (Вернадский 1991: 38). Для философии права и юридических наук в целом проблематика истории науки остается актуальной и перспективной задачей. Нельзя сказать, что в этом направлении ничего не сделано. Напротив, мы сегодня имеем внушительный объем знаний, накопленный в предшествующие эпохи. Однако он лишь фрагментарно и эпизодически охватывает определенные типы правовых представлений и в значительной степени остается даже в лучших своих образцах скорее энциклопедией политических и правовых знаний, чем теоретически и методологически разработанной наукой, да и еще нацеленной не на антикварное изучение источников и их систематизацию, а на подлинно научное теоретическое знание и его практическое использование. Философия права или теория права может мыслиться как чистая наука, оторванная от всякой практической жизни и действительности, говорящая каким-то универсальным языком, основанным на общей морфологии. Но это скорее лишь интуитивный образ, который, по аналогии с кантовскими ощущениями от сознательного представления вещи, независимо от ее конкретных признаков, все же занимает место в мыслительном пространстве, обладает пространственно-временной протяженностью. На самом деле мы всегда имеем конкретную теорию права, конкретную философию права, написанную на конкретном языке и с помощью его выразительных возможностей.

Рассуждения о любой научной проблеме имплицитно предполагают историографический анализ. Если автор знает состояние научной – проблемно-теоретической, критической, историко-философской и прочих типов – разработки интересующей его проблемы, то лишь тогда он может предложить сколько-нибудь существенное объяснение наблюдаемых и мыслимых закономерностей; и даже интуиция ученого является продуктом

культуры, образования, опыта, среды и т.п. Для философии и науки сквозной темой при этом является, с одной стороны, формирование традиций и научных школ, а с другой – непрерывная попытка размежевания, отграничения себя от авторитетов прошлого и современности. К. Бергбом, известный немецкий правовед рубежа XIX–XX вв., характеризовал подлинную науку как «самую непочтительную вещь в мире»¹ (Bergbohm 1892: 31). В связи этим для одних историография науки видится как рассказ об авторитетах прошлого и преемственности, для других – как разрыв с прошлым и отказ от любой ссылки на авторитеты. Настоящая современная историография политико-правовой мысли выглядит совершенно иначе, стремится избегать такого рода крайностей. Она предполагает не слепое воспроизведение схематизмов и шаблонов при анализе юридических концепций прошлого и современности, различных форм осмысления политических и правовых знаний: мифологического, фольклорного, теоретического, художественно-литературного и др., а сознательную ревизию и проверку познавательных средств и ресурсов, с помощью которых обеспечивается содержательное и социально-практическое наполнение соответствующей дисциплины. Наиболее частой ошибкой большинства историографических подходов в области политико-правовых знаний является попытка с помощью схематизмов, аллегорий и других схожих иллюстраций показать знания о праве и государстве как полное знание, которое якобы отражает верное и искомое понимание природы и характера права.

Приведенные соображения совершенно справедливы и при оценке разнообразных культурно-цивилизационных типов в развитии права и государства. Например, законы вавилонского царя Хаммурапи можно оценивать и с точки зрения современных представлений о правовой системе, о действии права, что тоже не лишено смысла. В итоге мы можем задаться вопросом, а был ли свод его законов источником права, так сказать всеобщим законом, или обобщением (сообщением) о давно сложившейся практике, которое лишь рассказывает о заслугах этого правителя, продолжая хвалебную речь, изложенную в прологе? Вопрос, конечно же, интересный для истории права. Однако ответить на него более или менее полно и достоверно можно лишь, так сказать, погрузившись в эпоху, выяснив общее состояние культуры, религиозные основы, язык и многое другое. Древний Восток является историческим предшественником римско-эллинской цивилизации, которая активно пользовалась многими его достижениями. Поэтому оценивать Древний Восток с позиции и с помощью конструкций римской юриспруденции возможно, но точных научных знаний это не прибавляет, вероятно, давая основания для общих предположений.

Из представления о теории права как конкретном историческом явлении следует и другая чрезвычайно важная проблема общественных наук,

¹ Bergbohm K. Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: kritische Abhandlungen. Teil : Bd. 1 : Einleitung. Abh. 1 : Das Naturrecht der Gegenwart. Leipzig : Duncker & Humblot, 1892. S. 31.

в частности юридических. Она заключается в характере их понятийного языка, в наборе тем и средств выразительности. Есть темы и вопросы, которые вызваны к жизни совершенно иными традициями, культурами, в силу общих влияний и ориентаций в науке возделываются технически искусно, но по своей культурно-цивилизационной морфологии оказываются оторванными от реальной действительности. Поэтому юридическая наука должна более тщательно заниматься своим словарем, содержанием и выбором тем, формирующих ее и в дальнейшем становящихся научной программой. В связи с этим возникает множество релевантных вопросов, разработка которых открывает перспективные направления развития юридических наук.

Роль историографии в философии права. Нищета философии права без историографии

Философия права стоит в настоящее время перед большим водоразделом, который возникает естественным образом в силу объективного развития человечества и сохранения устаревших практик добывания и пользования знаниями. Настоящее и будущее требуют очевидным образом от философии права таких результатов, которые бы удовлетворяли требованиям качественного, достоверного и по-настоящему полезного человечеству знания.

Научно понять значение и природу философии права означает не только установить ее в рамки научной деятельности в области права, но определить ее научный язык, композиционный портрет, характер обсуждаемых тем, их происхождение и актуальность, научный аппарат, лежащие в ее основе гипотезы, конкретные теории, принципы, ее отношение к юридической технике и практике, стратегию, наконец, ее эстетику, средства выразительности, ее образ в культуре и искусстве, в общественном сознании. И чтобы выполнить задачу научного понимания философии права, необходимо знать историю политического и юридического творчества, историографию теории права как науки. Без выяснения и уяснения характера развития политической и правовой мысли почти невозможно сколько-нибудь убедительное объяснение философии права. В противном случае она становится обезличенной, на ощупь находит и воспроизводит хорошо известные положения и идеи, чтобы не выглядеть безразличной к текущим проблемно-прагматическим настроениям. Философия права, независимо от национальных типов ее воплощения и существования, всегда отражает ту или иную связь с общим состоянием культуры, знание которой естественным образом и по логической необходимости приводит к выяснению смысла идей, подлежащих включению в предметную ткань этой науки. Иначе философия права выглядит, по слову П. Флоренского, как сочинительство, игра в жизнь (Флоренский 2013: 29).

Даже в лучших по своей выразительности и осмысленности образцах анализа историографии философии права учеными начала XXI в.

высказывается робкое убеждение, что человечеству только предстоит написать универсальную и действительно объемлющую философию права².

Значение философии права сегодня состоит в обеспечении и культивировании знаний об универсальных общезначимых принципах и правилах порядка совместной жизни людей, складывающихся как по настоящему всеобщее (а не привилегированное!) достижение в процессе мировой истории, но обретающих ясные черты только в приложении к конкретному народу и в конкретно-исторических условиях с целью реализации начал порядка, мира, равенства, свободы и справедливости во взаимоотношениях людей между собой, в общественной жизни и государственном управлении таким образом, чтобы это приводило к устойчивому росту индивидуального и социального благополучия, сохранению и сбережению лучших культурно-цивилизационных черт в общечеловеческом и конкретно-национальном измерениях. Философия права должна включать в себя историографию, свою родословную, стремиться к универсальности, но оставаться почвенной. Без внятной и глубоко проработанной историографической части³, отвечающей на вопрос о происхождении и эволюции этой конкретной философии права (а именно такую мы всегда имеем в опыте), о характере ее языка, понятийной структуры, о средствах выразительности, о сильных и слабых позициях, о преемственности и новизне, о способах критики, характере догматики, о роли идей и смыслов, формирующих ее содержательную ткань, о приемлемых для нее и обоснованных критериях научности, наконец, о стратегии развития самой теории, об образе ее будущего и будущего права вообще, – без ответов на эти вопросы философия права, или теоретическая юриспруденция в целом, может претендовать лишь на роль технического вспомогательного средства приспособления к любым произвольным политическим и экономическим интересам (Горбань 2024).

Литература по философии права должна чувствовать и отражать проблему универсальных знаний и национального языка, фундаментальных корней и истоков, из которых складывается портрет философии права, ее средства выразительности, композиционная структура и содержание.

² А. Кауфманн отмечал, что «универсальную историю философии права и права вообще только предстоит написать» (Hassemer et al. 2016: 25), предлагая некоторые ракурсы в сравнении, например, классической китайской и классической западноевропейской философии права (Kaufmann 1991).

³ В.И. Вернадский верно писал: «История научного знания еще не написана, и мы только-только начинаем в ней – с большим трудом и с большими пробелами – выявлять забытые и сознательно не усвоенные человечеством факты – начинаем искать характеризующие ее крупные эмпирические обобщения.

Научно понять это большое, огромной научной и социальной важности явление мы еще не можем. Научно понять – значит установить явление в рамки научной реальности – космоса. Сейчас мы должны одновременно пытаться научно понять его и в то же время использовать его изучение для установки основных вех истории научного знания – одной из жизненно важнейших научных дисциплин человечества» (Вернадский 1991: 38).

В содержании философии права обнаруживаются черты конкретных сюжетов и тем, которые отражают совершенно определенные культурные и философские представления, взгляды, мировоззрения, традиции. Мы можем их фиксировать, точнее выяснить их генетику, их назначение и правомерно поставить вопрос о возможности принятия такой трактовки в других традициях или подвергнуть их обоснованной критике. Очень часто в области мыслительного и духовного творчества человечества работа, технически иногда даже очень серьезная и глубокая, ведется в отношении тем и вопросов, которые порождены совершенно определенными условиями, выражают чаяния и ожидания конкретной общности, народа. Вероятно, умение распознавать характер тем, формирующих содержание философии права, может рассматриваться как одна из серьезнейших и перспективных задач правоведения. Рассуждая о больших исторических траекториях развития политической и правовой мысли в средневековой Европе, нельзя забывать о том, как и по каким причинам сохранялся и культивировался латинский язык, в качестве языка делопроизводства и судебного разбирательства, как юридические догматы Западной Римской империи оказывали влияние на устои христианства, способствуя возникновению инославной версии христианства в виде католицизма с его контрастным увлечением юридическими сюжетами в объяснении важнейших вопросов вероучения, как, в свою очередь, само христианство, в данном случае в виде католицизма, оказывало влияние на общественно-политическую мысль, литературу, правовую жизнь Европы. Если мы начинаем обсуждать эту отступническую традицию как нечто прогрессивное само по себе, не обращая внимания на то, каким образом сформировались, с какой целью обсуждались и вводились в оборот те или иные темы, то мы невольно начинаем заниматься услужничеством совершенно чужим и неясным мировоззрениям. Они должны изучаться, внимательно и глубоко, но лишь как определенные пути, траектории, искания, а ни в коем случае ни как тот самый единственный и правильный путь к праву.

Не может быть сомнения, что универсальную философию права только предстоит написать. Хотя существуют самоуверенные позиции о самодостаточности какого-то, как правило, возникшего в зарубежной литературе учение или концепции, которые, по большей части в силу присутствующей там из-за их иностранного происхождения загадочности понятийного лексикона и импортированности как таковой, дают более чем достаточную пищу для интеллектуальных восхищений, распространенных в немалой степени и в отечественной философско-правовой литературе. Такие трактовки в основном связаны с избирательным ознакомлением с какой-то иностранной книгой, которая вне всякой критики, не говоря уже о том, чтобы изучать обозначенную в иностранной литературе точку зрения целиком, связаны с различными вариантами неопозитивизма, научными и философскими дискурсами, типами рациональностей, синтезированием философии и лингвистики.

Новые ракурсы и позиции, с которых авторы пытаются посмотреть на предмет под другим углом, даже, так сказать, молекулярный разбор,

разложение предмета на мельчайшие детали, – все это элементы естественного хода развития науки, но их значение зависит от культуры использования, способности самостоятельного критического мышления, мифа, лежащего в основе науки (по А.Ф. Лосеву). Чистая наука – это голые гипотезы, которые безразличны к конкретному содержанию. Одна сменяет другую⁴. Но в науке большую роль играет то, что заставляет ее двигаться, направляет ее, одухотворяет и оживляет науку. В.И. Вернадский называл это средой (Вернадский 1988: 51). У английского ученого Дж. Бернала речь идет о стратегии науки⁵.

Лауреат Нобелевской премии, французский ученый, иностранный член Академии наук СССР Л. де Бройль писал: «Как и все остальные разделы истории, история наук имеет две стороны: «эрудицию» и «общие идеи». У историков эти две стороны соответствуют весьма различным складам ума и даже весьма различным знаниям. Эрудиция, вместе с терпеливыми исследованиями и кропотливым критическим анализом источников, необходима для установления подлинности исторических фактов и их строгой последовательности во времени. Но общие идеи также необходимы, поскольку они позволяют извлечь из истории выводы и уроки, придать ей подлинный интерес; простой перечень фактов такого интереса не представляет»⁶.

Известный французский правовед начала XX в. Ф. Жени подчеркивал диалектическую связь интеллекта и убеждений, причем последнее обозначается во французском языке и словом «вера», так что грани между религиозной картиной мира и социальными убеждениями личности оказываются в его фундаментальном труде «Наука и техника» не всегда различимы⁷. Философ Г. Гегель и юрист Ф. Савиньи уверяли, что содержание науки о праве предопределяется постепенным самораскрытием духа, что означает пассивное страдательное положение человека во всемирно-историческом процессе⁸. Современный немецкий правовед Б. Рютерс настойчиво проводил мысль, что философия права, или теория права, – в немецкой литературе с трудом можно их различить – никак невозможна без идеологии. Разве что только, писал Рютерс, следует избегать какой-то одной обязательной идеологии, хотя фактическое состояние этого вопроса зависит от посто-

⁴ Одной из самых популярных идей у юристов и философов права на протяжении последних немногим более двух столетий было настойчивое требование очищения юриспруденции как науки от всяких чуждых элементов и вообще любого эмпирического содержания (см.: Горбань 2023).

⁵ Бернал Д.Д. Наука в истории общества / общ. ред. Б.М. Кедрова, И.В. Кузнецова. Москва : Изд-во иностр. лит., 1956. С. 26.

⁶ Бройль Л. де. По тропам науки / послесл. и общ. ред. И.В. Кузнецова. Москва : Изд-во иностр. лит., 1962. С. 300.

⁷ Gény F. Science et technique en droit privé positif : nouvelle contribution à la critique de la méthode juridique. 1 : Introduction, Première Partie : position actuelle du problème du droit positif et éléments de sa solution. Paris : Recueil Sirey, 1914. P. 51.

⁸ Hegel G.W.F. Grundlinien der Philosophie des Rechts. Berlin : [s.n.], 1821. 358 S.; Savigny F.C. Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg : Mohr und Zimmer, 1814. 162 S.

янной борьбы и конкуренции, в результате которых на конкретном историческом участке времени доминирует одна. Она и определяет характер права – его конкретно историческую специфику. Эта мысль отчеканена в немецкой юридической литературе, начиная с исторической школы, а популярна стала благодаря марксизму. Поэтому конкретная философия права, или теория права, всегда исторична, мифологична, отражает культурно-цивилизационные черты традиции, языка, литературы, материальной культуры и других существенных для образа народа или эпохи факторов и характеристик.

Идея национальных типов развития нередко трактуется сегодня как устаревшее представление, поскольку науке удобнее работать с другими более объемными классификациями – семьями, блоками и т.п. В данной оптике образ видится более панорамно, но в итоге страдает множеством схематизмов и упрощений. Самый простой пример – это такие наименования, как «западная философия права», «западная традиция права». Конечно же, это мифы, причем не в смысле атрибута мышления, а часто в смысле искусственного идеологического конструкта. Если «запад» понимается в значении, которое ему придавали римляне, отграничивая географически эллинский восток, то тогда такой архаический смысл, наверное, верен. Однако в культурно-цивилизационном значении – это не более чем анахронизм. Немецкая философская и юридическая литература была и остается немецкой, непохожей ни на какую другую. Французская остается французской, английская английской и т.д. Безусловно, у них есть и общие черты, но они лишь схематичны.

Обращение к иностранной литературе в значительной степени необходимо, если мы хотим понять характер происходящих в мире событий и тенденций, но ценность представляет именно изучение, глубокий и основательный анализ, здравомысленная критика (но для нее нужна собственная точка зрения) всего того, что представляется научно-познавательным в опыте зарубежных стран. Есть, конечно же, при этом довольно простенькая и незатейливая схема, по которой на веру принимается как готовый и не нуждающийся в критике результат некий набор знаний всего того, что нужно бы знать философу права с помощью некоторого отвлеченного зарубежного набора, чтобы затем по протокольной логике заняться почти механическим усвоением того загадочно лучшего и благотворного, что где-то там припасено для всего человечества. Когда этим пользовались люди в древности или в период Средних веков, то это можно было бы объяснить уровнем знаний, но когда это присутствует сегодня, то оно не может не вызывать ничего иного, как только удивление.

Сдвинуть национальную науку в сторону самостоятельного мышления крайне непросто. Однако представить ее вне способности суверенно мыслить, самостоятельно задавать и отвечать на мировоззренческие и научно-практические вопросы просто невозможно. Наука в целом, без сомнения, дело универсальное, но, по верному замечанию Ф.М. Достоевского, позже В.И. Вернадского, плоды свои дает только в приложении к национальности, только в определенной среде. Ту же самую мысль настойчиво

проводил в применении к одной из основных тем своего творчества израильский правовед Й. Зальцман (писавший под псевдонимом Раз), карьера которого была связана с работой в основном в Оксфорде. Он рассуждал о том, может ли быть теория права универсальной или только местной, локальной, национальной (Raz 1996). Й. Раз, в частности, утверждал, что все прежние теории права терпели неудачи, так как, будучи локальными, ошибочно претендовали на всеобщность и универсальность. Все удачные правовые теории, по мнению данного ученого, были локальными, поскольку в данном случае «успеха можно добиться только оставаясь локальным явлением» (Raz 1996: 2).

В любой стране мира философия права превращается во вспомогательную и малопригодную вещь, если она утрачивает самостоятельный характер. Могут, конечно, возразить, что только определенные народы способны к философии, в том числе в сфере права, но такой анахронизм вряд ли достоин внимания. Подобная точка зрения популярна в зарубежных изданиях, особенно в немецких (Хайдеггер 2015). Мировоззрение может называться разными словами, но вряд ли представления народа о лучшем и справедливом для него, о мире и месте в нем человека нуждаются в легитимации со стороны какого-то патентного ведомства. Да и сама философия настолько неоднородна, что даже в области права нельзя спутать, например, немецкий мистический рационализм с его гипертрофированным подражанием математике с французским материализмом и его выражением в социологии. Только в самом упрощенном представлении думают, что по наличию какого-то специального философского сочинения, неких критик чистого разума, можно однозначно рассуждать о национальной философии права.

Настоящий интеллектуальный портрет национальной философии права возможно составить только в результате больших и долгих поисков в области местной культуры и литературы. Если в естественных науках закономерности познаваемых объектов мало зависят от общественно-религиозного сознания ученого, хотя и оно в разной степени влияло – то сдерживающим, то подсказывающим и стимулирующим образом – на соответствующие идеи и представления ученых, то в социальных науках, в том числе в философии, влияние разнообразных элементов культуры было всегда существенным и большим. Поэтому надлежащим образом понять русского учительного старца, мыслителя древней или более новой истории, университетского ученого, немецкого протестантского философа или французского энциклопедиста, американского прагматиста, составляющего статистически-учредительные списки членов научного коллектива интеллектуального движения, восточного мудреца можно только в том случае, если представление о содержании, характере и направленности его взглядов черпается из всей доступной изучению культуры этого народа, традиции.

Например, в литературе по истории правовой мысли в качестве одной из больших тем начального периода советского правоведения называется отмирание права, которое увязывается с именем и творчеством Е.Б. Пашуканиса. Маркс будто бы вдохновил на эту тему, а советский юрист сделал ее знаменательной. Конечно же, отмирание права звучит как-то резко и от-

рицательно, особенно с позиции верховенства права в общественной жизни. Очень легко этот момент увязывается с критикой Л.Н. Толстого в адрес репрессивно-наказательного характера действующего в разные времена права, написанной в ответ одному любопытствующему студенту. Русского классика, особенно в иностранной литературе XX в. и до сих пор, считают большим мыслителем, не признающим, однако, положительную ценность права, да и вовсе выразителем якобы типичной черты русского народа, который, как утверждают, только нигилистично относится к праву. Из этого складывается шаблон для историографии русской политической и правовой мысли. Шаблон, конечно же, ложный, но распространяется он не только в зарубежной литературе. Л.Н. Толстого никоим образом нельзя отнести к нигилистам, – разве что можно признать его таким же убежденным «нигилистом» в вопросах права, как и, например, И. Кант. Но и представление об отмирании права, очень даже созвучное распространяемой сейчас в иностранной литературе «отмене культуры»⁹, веками транслировалось именно западноевропейскими философами и даже юристами. Наряду с интересом к праву в Западной Европе (а только эту сторону обычно показывают в литературе) систематически появлялись у европейских ученых и государственных деятелей крайне негативные и резкие суждения о бесполезности права и юриспруденции. На рубеже XVIII–XIX вв. тот же кантовский критицизм был радикальным отрицанием всей рационалистической догматики прежнего естественного права; мягко говоря, вся прежняя юснатуралистическая доктрина объявлялась выдумкой, пустым именем. В Германии в 1830–1840 гг. утверждается тема о бесполезности юриспруденции; еще раньше о праве, которое вовсе не нуждается в услугах законодателей, а растет и развивается вместе с народом. Эту же тему, которая уже созрела у немцев, подхватил и Маркс, убежденный, как левый гегельянец, что раз мир и так движется по определенному всемирно-историческому плану, так почему же не подтолкнуть человека к быстрейшему достижению идеала и сам идеал не уточнить, и зачем ему, человеку, право и прочие духовные явления, если все и так живет и раскрывается подобно растению или языку; главное – это устранить причину противоречий в распределении материальных благ.

В конце XIX в. К. Бергбом свой главный труд посвятил тому, что всю литературу по философии права, ориентирующуюся на естественное право, как и саму эту доктрину, объявлял сорняком, который нужно безжалостно искоренять. В США на протяжении 1830–1840 гг. отвращение к английским юристам и их образу породило всеобщий кризис юридического образования вообще, сопровождавшийся обсуждением, а нужно ли вообще учить такой незатейливой профессии, как юрист (Stevens 1987). Сейчас на исходе первой четверти XXI в. в США, Англии, Австралии мощным трендом является предложение учебных курсов и программ об отмирании юридической профессии в условиях нарастающего доминирования искусственного интеллекта.

⁹ О трансформации отношения к этому «феномену» убедительно говорится в исследованиях современных политологов (см.: Фишман 2024).

Понятийный язык теории права

Теория права в современной мировой литературе выглядит по-разному, хотя она в целом как наименование базовой юридической науки, безусловно, является важнейшим элементом национальных представлений о системе правовых знаний. Однако дело в том, что это наименование используется в таком разном значении, что только по невнимательности можно думать, что теория права существует повсюду и выражает единый смысл. Теория права в смысле рационалистической логической схемы присутствует только в немецкой литературе, в которой, хотя и нередко обособляется теория права, тем не менее в большинстве работ, с учетом историографии этого вопроса, признается, что немцы больше склонны видеть в качестве таковой типичное для них одно из философских учений. Теория права во французской литературе тяготеет к социологическим построениям, в которых идея социального опыта является значительно более популярной, чем рационалистически-математические конструкции немцев. Английская и американская литература отличается подчеркнутым протестом против теории как таковой, выражает общую претензию на некий самостоятельный тип научного или квазинаучного мышления – проблемно-прагматический, для которого слова «понятие» или «теория» выступают главными врагами. Теория права в нашей стране в течение последних полутора столетий по форме в основном подражала немецкой, поскольку никакая другая версия национальных наук не давала систематизированных представлений о целостности общих начал в представлениях о праве. Однако темы и элементы немецкой науки о праве брались в основном в качестве несущего каркаса, формы или шаблона, по которому выкраивались контуры отечественной юридической теории.

В настоящее время популярными являются трактовки теории права на основе крайне разнообразных версий неклассической логики, которые в основном оперируют идеями и моделями математики. Экстраполяция математических логик на область науки о праве имеет давние традиции, но, как правило, такой перенос осуществляется необоснованно, без учета природы социальных наук.

Каждый вариант построения теории права имеет свои сильные и слабые черты. Ни один не является универсальным и объемлющим все задачи теории права как науки. Немецкий рационализм вводит в теорию права четкость математической аргументации и функциональности, но отличается избыточностью повторений, мистических отвлечений, нередко перегруженными объяснениями, множественными схематизмами. Французский социологический позитивизм (контовский) фокусируется на структурно-функциональном ракурсе правовых проблем как социальных, роли права как института. Английская и американская прагматическая философия демонстрирует непосредственное научное значение практики, но делает из нее фетиш. Русская литература сопровождает теорию права глубоким психологизмом, проявляющимся в требовании всеобщей правды и справедливости.

Во всех этих случаях речь идет о том, что в качестве теории принимается своя национальная наука о праве. Но каким понятийно-терминологическим языком она пользуется?

Немецкая теория права пользуется философией как средством выразительности, она, так сказать, философски-терминирована и соответствующим образом стилистически тропирована. Поэтому для точности понимания выражаемых в ней смыслов и значений важно учитывать именно немецкий философский стиль. Даже в рамках германских языков, например, перевод немецкого выражения «цель в праве» (название известного сочинения Р. Иеринга) на английский язык вызвал серьезные сложности у американских переводчиков, и в итоге появилось не оригинальное, а иноязычное название книги в переводе – «Право как средство для цели». Б. Рютерс очень наглядно показывает невозможности немецкой трактовки задач теории права вне философии (Rüthers 2007).

Поэтому в немецкой юридической литературе идеи Г. Кельзена о чистоте интерпретации права не нашли большого признания. Они пользовались популярностью в Австрии, особенно среди его соратников по так называемому «венскому кружку» (А. Фердросс, А. Меркл¹⁰), в других странах Европы, отчасти в США и даже в Дании. Однако для немецких ученых проблематика чистых учений о праве была глубоко укоренена в традициях давней классической немецкой философии, для которой кельзеновская трактовка не более чем небольшой эпизод. Например, кантовское учение о праве, которое традиционно еще в его время называли чистым, предполагает определенный нравственный миропорядок за собой, а у Кельзена, несмотря на связь с неокантианством, прямо высказывается резкое противопоставление права и морали.

В отечественной теории права недостатки формальной юридической грамматики, скроенной по немецкому образцу, в идейно-содержательном плане компенсируются богатством духовно-просветительской и художественной литературы. Даже сам русский язык отличается, в сравнении, например, с германскими или романскими, относительной гибкостью грамматики, но существенно большим разнообразием лексических оттенков, особенно выражающих чувства, переживания.

Для традиций Ближнего Востока подобную функцию артикулировано выполняет религия, выступает как доминанта в определении содержания теории права.

В английской и американской версиях науки о праве традиционно компенсаторную функцию выполняют разнообразные практически ориентированные социологические, психологические, в т.ч. психоаналитические, экономические и политологические концепции. Причем если в прежних работах американских юристов все же улавливалось доминирующее значение права в решении практических вопросов самого права, то уже с 1970 гг.

¹⁰ А. Меркла, австрийского юриста, часто ошибочно путают с другим известным немецким правоведом А. Меркелем (1836–1896), который жил значительно раньше, известным криминалистом, теоретиком права, последователем Р. Иеринга.

другие общественные науки – экономика, социология, психоанализ – начинают явно вытеснять само право. В итоге за право нередко выдается, например, экономически обоснованное, эффективное решение. Иными словами, право оценивается как регулятивный эффект, но не как сам регулятор. Это своего рода гипертрофированный вариант позитивизма, для которого функциональность становится не атрибутом, а фетишем, целью самой по себе. Если что-то функционирует, приводя к результатам, к которым обычно приводит действие права (в инструментальном смысле), то неважны средства достижения такого результата, а для убедительности называют это каким-то любым правом. Для такого понимания права не нужны никакие признаки и понятия, никакие смысловые элементы и выражения. Достаточно будет описания эффектов: мягкий, жесткий, умеренный, долгосрочный, краткосрочный и т.п.

Например, английский юрист Г. Харт не пользуется понятием нормы в своем сочинении «Концепт права» (Hart 2012). Для него определение (концепт) права возможно с помощью различных видов правил. Поэтому вместо традиционной для русской или немецкой литературы, веками формировавшейся в языке юристов «нормы», у Харта, как и вообще у английских юристов, в центре всех размышлений оказывается слово «правила», – термин, который не определяется как понятие, а берется как видовое обозначение во множественном числе. Например, теория правовых норм, которая представляется классикой юриспруденции, вряд ли будет понятна английскому юристу, поскольку для него правовое предписание отнюдь не норма, а нечто иным образом зафиксированное в языке и жизненной практике.

Й. Зальцман (Раз) задавался вопросом: может ли вообще быть теория права? (Raz 2004). Для него ответ на этот вопрос зависит в значительной степени от возможности универсальной теории, а такая, как представляется, невозможна. Аргументы Раза связаны с тем, что за формальной структурой правопорядка стоит определенная идеология. Хотя при этом, говоря об идеологии, зарубежные авторы часто стремятся тут же оправдаться, что она якобы имеет «ценностно-нейтральный» характер, что, конечно же, является лишь пустой условностью. То, что такого рода идеологический фон не является обязательной основой и что он может временами меняться, отнюдь не означает безразличия к ценностям. В чем же тогда, спрашивается, идеология? Раз считал, что изучение других (иностранных) концептов права нужно для того, чтобы понять свои собственные представления. Так, по его мнению, научное знание англичанином французского языка нужно только для того, чтобы лучше узнать, что же означают французские заимствования в английском языке. Взгляды Раза очень напоминают размышления П. Фейербаха в самом начале XIX в., который рассуждал о том, что настоящая наука о праве может появиться лишь как универсальная (сравнительная) юриспруденция. Но целью ее, правда, является не новое знание, а знание, служащее для уточнения своей собственной науки о праве, которая и есть наука, или теория права, и только такой – национальной – она, как уверял Фейербах, и может быть. Причем для английского правоведения проблема теории права сама по себе специфична. В ней есть обобщения, раз-

личного рода виды логик аргументации, но рациональной теории, конечно же, там нет по определению. Ни в работах Харта, который как бы «оживил» английскую философию права, ни того же Раза или других авторов мы не найдем никакой теории права. Чтобы разобраться в характере английских представлений о том, что же такое наука о праве, нужно учитывать, что она не мыслится как рациональная наука или теория в смысле высшей формы организации научного знания со всеми ее характеристиками.

С чем определено никак невозможно согласиться в размышлениях Раза, что «их» английский концепт права и соответствующая местная теория исходят из того, что в основе всего лежит господство права. Однако ни история, ни историография английской юриспруденции, ни современная литература, не говоря уже о реальной практике, не подтверждают такую самоаттестацию. Допустимо было бы выдвинуть предположение, что англичане, как и другие народы мира, пытаются веками добиться в своей общественной жизни определенного правового состояния и используют для этого определенные средства, в том числе и в научной аргументации, но насколько это получается – вот в чем действительно большой вопрос. В 1870-х гг. известный английский ученый-юрист Ш. Амос писал, что ничего сопоставимого с достижениями коллег с континента в науке у английских юристов нет и что будущее юридической науки в Англии будет зависеть в значительной степени от того, насколько хорошо они усвоят работы французских и особенно немецких юристов¹¹.

Упомянутый профессор Б. Рютерс указывает на то, что все части, составляющие теорию права, относятся к науке о языке (*языкознанию*), так как «право – это язык», – однозначно утверждает немецкий юрист, – а поэтому наука о праве – это (также) наука о языке (Rüthers 2007: VIII). Мысль Рютерса ясна и в определенном смысле может быть поддержана, поскольку, действительно, роль языка и языкознания всегда была важнейшей частью наук о культуре, а сегодня значения языка возрастает. Однако за общим призывом к пониманию права в логике языкознания кроется много уязвимостей и упрощений. Если под словом «язык» понимать только речь (речевую деятельность), средство общения человека вообще, то технологически можно представить себе, что речевые моменты или характер общения могут служить фактором или условием, которые влияют на понимание права. Но разве за языками не стоит конкретная культура (и материальная (среда), и духовная), разве опыт, накопленный языкознанием, литературоведением не говорит о сложности и многообразии морфологии и внутренней культуры языков? Немецкий язык выражает немецкое правовое мировоззрение, французский – французское, русский – русское и т.д. Язык понимается сторонниками лингвистических акцентов в правоведении зачастую в каком-то символическом ключе, как процедура, или точнее средство, с помощью которой совершается акт общения. В итоге речь идет не про культуру языка, не про языковые картины мира, не про конкретные языки, а просто про то,

¹¹ Amos Sh. A systematic view of the science of jurisprudence. London : Longmans, Green, 1872. P. 505.

что язык – это единственное для сторонников процессуально-процедурных юридических концепций, что наряду со схемой общения остается константой, за которую соответствующее познание цепляется. Если постоянство только в процедуре, а все остальное относительно, то только язык остается чем-то устойчивым. Но тогда ведь предварительной предпосылкой для увязывания права и языка по логической необходимости должно служить изучение языков – разных языков, чем больше, тем лучше, чтобы таким образом найти нечто общее в трансляции смыслов культуры через язык, который является собственно знаменателем. Не то, что в культуре, а то, что в формальной логике и морфологии германских языков представляется лингвистической философией (Витгенштейну, Харту и др.), а вслед за ней и Б. Рютерсу, достаточным смыслом.

Конечно же, нужно изучать языки для расширения культурных горизонтов и для лучшего распознавания роли языка в современном мире. Но проблема гораздо сложнее, чем представляется на первый взгляд. Скажем, для ареала русского языка нужно сформировать соответствующую его морфологии, культуре, внутренней логике и прочим сущностным характеристикам теорию права и теоретическую юриспруденцию. Такой пока, к сожалению, просто не существует. Затем она может сравниваться с другими, ориентированными на морфологию национальных языков размышлениями о праве, например в трудах Г. Харта и его последователей.

Сейчас расхожим стало использование термина «лингвистический поворот», который призван символизировать нечто загадочное и якобы прогрессивное в плане перестройки науки и культуры на логику отдельных проявлений такого направления философского анализа, как лингвистическая философия. На самом деле и название некорректное, и его использование вызывает большие сомнения. А с практической точки зрения полезность «лингвистического поворота» просто нонсенс. В такой стилистике говорят, как правило, англо-американские авторы, описывая свой личный опыт и его развитие. Слово «поворот» относится к перемене личных взглядов. О «поворотах» в науке не говорят обычно. В науке обычно речь ведут о переворотах или революциях, о чем красноречиво говорится в известной работе Т. Куна (Кун 2009). Иначе тогда мы должны были бы иметь бесконечное множество все время куда-то поворачивающей, как в лабиринте, науки, нечто вроде: картезианский поворот, кантианский поворот, марксистский поворот, антимарксистский поворот и т.д. Кроме того, если уж не быть настолько невнимательными и невежественными к области истории мысли, то лингвистическим поворотом следовало бы назвать открытие письменности, появление письма на национальных языках, книжное дело и книгопечатание и т.п. На протяжении многих столетий, начиная со Средневековья и вплоть до конца XVIII в., основным методом работы юристов был *историко-филологический метод*, смысл которого заключался в том, что античные источники (история) изучались исключительно как тексты с помощью доступных приемов их грамматического и прочего толкования (филология). Это создавало серьезные предпосылки в плане формирования светской культуры (ссылка на авто-

ритетных знатоков права прошлого), способствовало формированию логики, делопроизводства. Об этом написаны серьезные сочинения. Это ли не лингвистический поворот? С открытием национальных языков в науке и образовании в конце XVIII – начале XIX в. происходит небывалый до того времени рост национальных литератур, особенно в науке и философии. Вот действительно выдающаяся роль языка! И примеров «лингвистических поворотов» великое множество, если на самом деле принимать во внимание роль языка и литературы. А то, что сейчас выдается за некое переломное движение в культуре и науке, пока сопровождается очень скромными призывами к воспроизведению упрощенных шаблонов определенных толкований лингвистической философии.

Обесмысливание значения слов, превращение их в просто символы, которые приобретают конкретное содержание исключительно в жизненных ситуациях благодаря общению, является довольно типичной чертой английского языка и, удивительно, с какой-то поражающей настойчивостью основанная на морфологической природе английского языка модель теории права распространяется в неанглоязычных странах и даже тех, чьи языки не относятся к аналитическому типу, как английский. Например, правовая традиция англичан в принципе предполагает казуистическое мышление, не рациональные теории и принципы, а доконструирование ситуации в каждом конкретном случае, партикулярное мышление. Для английского языка, английской философской и правовой традиций это вполне естественно: концептуальность, «открытость текстуры», принципиальная незавершенность и т.п. Но это в корне противоестественно по отношению к другим языкам, имеющим отличную морфологию. Например, греческому, на котором писались сочинения античных мыслителей, или русскому с его богатством смыслов и литературы, его совершенно иным типом морфологии, которая не допускает незаконченного образа действительности, а потому русский язык остается устойчивым к быстрым изменениям, даже несколько инертным, но в то же время проявляющим известную, так сказать, скромность в попытках дать быстрое и законченное изображение действительности. Это касается всего богатства применения языка, в том числе и к научным текстам, нормативным конструкциям и суждениям, правилам и принципам. Поэтому довольно странно для науки думать и чувствовать ее (только) на английском языке. Это дело носителей языка. Вот пример, довольно типичный, как используется «лингвистический поворот». Вместо слов культурный или культурологический, берется английское слово «cultural», записывается русскими буквами, и с использованием уже элементов словообразования в русском языке получается мистическое «культуральная юриспруденция». Остается загадкой, почему здесь фонетический ряд слова «юриспруденция» все же сохранился, не преобразовавшись в записывание воспроизведения этого слова с помощью фонетики английского языка. Видимо, с точки зрения такой весьма своеобразной «логики» следует ожидать, что слово «государственный» будет впредь обозначаться как «стейтный» от англ. *state*, «правовой» – «райтный» от *right* или как то «ловый» от *law* и т.п. Здесь, вероятно, авторы, часто неосознанно, выдают

служебные части слова за такие самостоятельные единицы, которые имеют чуть ли не отдельное лексическое значение.

Л.В. Щерба, известный российский филолог, если бы узнал в свое время об этом, был бы, вероятно, очень удивлен, как его метод эксперимента, в т.ч. лингвистической бессмыслицы, направленный просто на разъяснение значения наименьших морфемных единиц (Щерба 2008), стал использоваться в научных трудах по юриспруденции и другим общественным наукам в качестве реальной основы для построения теории права, в которых совершенно серьезно выдают откровенную бессмыслицу за наукообразные идеи и смыслы.

Одно дело, когда ученые пытаются сказать, что смысл слов со временем может меняться, а другое, когда они отказываются за ними признавать какое бы то ни было значение, которое существует до их использования, берут или соглашаются принимать слова как пустые бессмысленные формы, которые означаются только в общении, при коммуникации. Но тогда, к сожалению, легко дойти до отмены всего содержания культуры. Ведь очень легко предположить, что в условиях обнуления смыслов будут появляться центры, способные влиять на общественное мнение, причем массово, и это будет приводить к навязыванию любых произвольных значений. Очень удобное и опасное средство для переписывания значений культуры, истории, прошлого. В такой ситуации придется предположить, что, например, понятия преступления и наказания – это пустые слова, а не понятия уголовного права, и они будут наполняться содержанием только при свободном усмотрении и дискурсе сторон процесса, если, конечно, понятия стороны в процессе или даже самого суда тоже не превратятся в пустое понятие, которое лишь в конкретном случае будет означиваться, а не с помощью определений и положений процессуального законодательства. А насколько прочными будут новые значения? Кто и чем руководствуясь, будет их устанавливать? И как часто их можно менять? Не будут ли они меняться многократно в ходе одного процесса? Обычно сторонники новых лингвистических тенденций делают ссылку на некий общекультурный фон. Но если слова систематически утрачивают свое значение, то как же будут выражать свои мысли следующие дискурсанты? Разве что им придется каждый раз заново придумывать словарь, а то и сам язык. Или, вероятно, в данном случае работает лозунг героя одного из произведений И.С. Тургенева – Е. Базарова, который решительно заявлял: «В теперешнее время полезнее всего отрицание – мы отрицаем»¹².

Да и почему язык, в отличие от всей другой культуры, должен признаваться единственной реальностью? Если выдумкой, психологической проекцией является мир вообще, как уверяют ориентированные на субъективизм учения, то почему язык остается чем-то постоянным? На самом деле модные течения с характерными названиями, производными от заимствованного из французского «moderne», уже посягают и на реальность языка, раз у слов вдруг теряется смысл.

¹² Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 7. Москва : Наука, 1981. С. 49.

Существует и другая историческая тенденция, которая вполне справедливо отмечалась Гегелем: «Памятники свидетельствуют о том факте, что... с прогрессом цивилизации в обществе и в государстве... систематическое выражение ума отшлифовывается, и язык становится при этом более бедным и менее расчлененным»¹⁵.

Теоретическая юриспруденция, построенная по принципу доконструирования, теряет связь с морфологией русского языка, уподобляется природе аналитических языков. В постсоветской литературе нередко встречаются работы философов, лингвистов, социологов, в которых прямо высказываются призывы к тому, чтобы ориентироваться на логику английского языка как более мобильного к изменению традиционных смыслов слов и выражений.

Схожие ситуации переживали народы в разное время неоднократно: когда-то латыни, больше подходившей на роль официального языка судопроизводства и делопроизводства, противостоял греческий, стилистически более легкий, на котором излагали свои самые сокровенные мысли и римские императоры; национальные языки европейцев долго обретали себя в противостоянии с латынью. Поэтому в вопросах влияния языка на общественные науки, в частности на теорию права, нужно быть внимательным и осторожным, не допускать латентных или явных попыток под видом прогрессивного мышления внедрять совершенно чуждый его вариант; нужно бережно хранить русский язык и сформировавшуюся на его основе культуру. Философия права и теория права в России должны писаться на культурно русском языке, использовать логические конструкции и средства выразительности русского языка. Это как раз залог того, что при изучении иностранных традиций права будет соблюдаться уважение к иному типу размышлений о праве, отбору тем, средств выразительности и т.п.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вернадский В.И. 1988. Философские мысли натуралиста : сборник : к 125-летию со дня рождения. Москва : Наука. 519 с.

Вернадский В.И. 1991. Научная мысль как планетное явление / отв. ред. А.Л. Яншин. Москва : Наука. 270 с.

Горбань В.С. 2023. «Чистые» учения о праве: их многообразие в истории правовой мысли и влияние на характер современной юридической науки // Журнал российского права. Т. 27, № 12. С. 68–84. DOI 10.61205/jrp.2023.139.

Горбань В.С. 2024. Историография юриспруденции как науки (с приложением переводов П. Фейербаха, Ю. Кирхманна, Р. Иеринга, А. Меркеля, Р. Бирлинга, К. Бергбома). Москва : Ин-т государства и права РАН. 305 с.

Кун Т. 2009. Структура научных революций. Москва : АСТ. 317 с.

Фишман Л.Г. 2024. «Культура отмены» в России: от неприятия к ограниченному применению? // Антиномии. Т. 24, вып. 3. С. 70–82. DOI 10.17506/26867206_2024_24_3_70

Флоренский П.А. 2013. У водоразделов мысли: (черты конкретной метафизики). Т. 2. Москва : Академ. проект. 607 с.

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 8. Философия истории. Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1935. С. 60.

Хайдеггер М. 2015. Гегель. Негативность. Разбирательство с Гегелем в ракурсе вопроса о негативности (1938–1939, 1941); «Введение» в «феноменологию духа» (1942). Санкт-Петербург : Владимир Даль. 320 с.

Щерба Л.В. 2008. Языковая система и речевая деятельность. Изд. 4-е. Москва : URSS. 427 с.

Hart H.L.A. 2012. *The concept of law* / Ed. by Penelope A. Bulloch. 3rd ed. Oxford : Oxford Univ. Press. 333 p.

Hassemer W. et al. (Hrsg.) 2016. *Einführung in die Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart* / herausgegeben von W. Hassemer, U. Neumann, F. Saliger. 9., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Heidelberg : C.F. Müller. 479 S.

Kaufmann A. 1991. *Vergleichende Rechtsphilosophie – am Beispiel der klassischen chinesischen und klassischen abendländischen Rechtskultur* // Festschrift zum siebzigsten Geb. von Werner Lorenz / hrsg. v. Bernhard Pfister etc. Tübingen : Mohr. S. 635–649.

Raz J. 1996. *On The Nature of Law* // ARSP: Archiv Für Rechts- Und Sozialphilosophie / Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy. Vol. 82, № 1. P. 1–25.

Raz J. 2004. *Can There Be a Theory of Law?* // *Blackwell Guide to Philosophy of Law and Legal Theory* / M. Golding, W. Edmundson (Eds.). Malden, MA : Wiley-Blackwell. P. 324–342.

Rüthers B. 2007. *Rechtstheorie: Begriff, Geltung und Anwendung des Rechts*. 3., neu bearbeitete Auflage. München : Verlag C.H. Beck. 573 S.

Stevens R. 1987. *Law school: legal education in America from the 1850s to the 1980s*. Chapel Hill : The Univ. of North Carolina Press. 350 p.

References

Fishman L.G. *Cancel Culture in Russia: From Rejection to Limited Application? Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 70–82. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_70 (in Russ.).

Florensky P.A. *Watersheds of Thought: The Elements of a Concrete Metaphysics*. Vol. 2, Moscow, Akademicheskii proekt, 2013, 607 p. (in Russ.).

Gorban V.S. *Historiography of jurisprudence as a science (with the application of translations by P. Feuerbach, J. Kirchmann, R. Iering, A. Merkel, R. Birling, K. Bergbom)* [Istoriografiya yurisprudentsii kak nauki (s prilozheniem perevodov P. Feyerbakha, Yu. Kirkhmanna, R. Ieringa, A. Merkelya, R. Birlinga, K. Bergboma)], Moscow, Institut gosudarstva i prava RAN, 2024, 305 p. (in Russ.).

Gorban V.S. *The “Pure” Doctrines of Law: Their Diversity in the History of Legal Thought and Their Influence on the Nature of Modern Legal Science*, *Journal of Russian Law*, 2023, vol. 27, no. 12, pp. 68–84. <https://doi.org/10.61205/jrp.2023.139> (in Russ.).

Hart H.L.A. *The concept of law*, 3rd ed., Oxford, Oxford Univ. Press, 2012, 333 p.

Hassemer W., Neumann U., Saliger F. (Eds.) *Einführung in die Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart* [Introduction to the philosophy of law and legal theory of the present], 9th rev. and ampl. ed., Heidelberg, C.F. Müller, 2016, 479 p. (in German).

Heidegger M. *Gegel'. Negativnost'. Razbiratel'stvo s Gegelem v rakurse voprosa o negativnosti (1938–1939, 1941); «Vvedenie» v «fenomenologiyu dukha» (1942)* [Hegel. Negativity. The trial with Hegel from the perspective of the question of negativity (1938–1939, 1941); “Introduction” to the “Phenomenology of Thought” (1942)], St. Petersburg, Vladimir Dahl, 2015, 320 p. (in Russ.).

Kaufmann A. *Vergleichende Rechtsphilosophie – am Beispiel der klassischen chinesischen und klassischen abendländischen Rechtskultur* [Comparative philosophy of law - using the example of classical Chinese and classical Western legal culture], Pfister

B. etc (Eds.), Festschrift zum siebzigsten Geb. von Werner Lorenz, Tübingen, Mohr, 1991, pp. 635–649. (in German).

Kuhn T.S. *The Structure of Scientific Revolutions*, Moscow, AST, 2009, 317 p. (in Russ.).

Raz J. Can There Be a Theory of Law? *M. Golding, W. Edmundson (Eds.), Blackwell Guide to Philosophy of Law and Legal Theory*, Malden, MA, Wiley-Blackwell, 2004, pp. 324–342.

Raz J. On The Nature of Law, *ARSP: Archiv Für Rechts- Und Sozialphilosophie: Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy*, 1996, vol. 82, no. 1, pp. 1–25.

Rüthers B. *Rechtstheorie: Begriff, Geltung und Anwendung des Rechts* [Legal theory: concept, validity and application of law], München, Verlag C.H. Beck, 2007, 3rd ed., rev., 573 p. (in German).

Shcherba L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language System and Speech Activity], 4th ed., Moscow, URSS, 2008, 427 p. (in Russ.).

Stevens R. *Law school: legal education in America from the 1850s to the 1980s*, Chapel Hill, The Univ. of North Carolina Press, 1987, 350 p.

Vernadsky V.I. *Filosofskie mysli naturalista : sbornik : k 125-letiyu so dnya rozhdeniya* [Philosophical Thoughts of a Naturalist : Collection : on the 125th anniversary of his birth], Moscow, Nauka, 1988, 519 p. (in Russ.).

Vernadsky V.I. *Scientific Thought as a Planetary Phenomenon*, Moscow, Nauka, 1991, 270 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Сергеевич Горбань

доктор юридических наук, заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права, руководитель междисциплинарного центра философско-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия;

ORCID: 0000-0002-8054-2605;

ResearcherID: AAD-4923-2020;

SPIN-код: 2337-9180;

E-mail: gorbanv@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir S. Gorban

Doctor of Law (habil.), Head of the Department of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Head of the Interdisciplinary Center for Philosophical and Legal Studies at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia;

ORCID: 0000-0002-8054-2605;

ResearcherID: AAD-4923-2020;

SPIN-code: 2337-9180;

E-mail: gorbanv@gmail.com